

УДК 821.111

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МИФА И МЕТАФОРЫ
В КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКЕ
(на материале романов Грэма Джойса)**

© 2013 г.

А.Ю. Колесников

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

alik.kolesnikoff@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Рассматривается проблема соотношения мифа и метафоры с точки зрения когнитивной поэтики на материале романов английского писателя Грэма Джойса.

Ключевые слова: английская литература, миф, метафора, мифологизация, литература Британии конца XX – начала XXI века

Вопрос о взаимосвязи мифа и метафоры интересует лингвистов, литературоведов, культурологов, философов, антропологов начиная с XIX века. Развивая идеи Вильгельма Гумбольдта, отечественный лингвист А.А. Потебня рассматривает миф как производную языковой деятельности. Согласно его мысли, миф возникает тогда, когда язык, объективирующий мысль, уже существует. Разницу же между мышлением поэтическим (метафорическим) и мышлением мифологическим он видит в отношении реципиента к сказанному: одна и та же фраза, в зависимости от отношения к её содержанию, может быть и мифом, и метафорой. Если А.А. Потебня рассматривает мифологию как явление производное по отношению к языку, то Э. Кассирер рассматривает язык, миф и науку как своего рода парадигму символических категорий, тем самым постулируя автономность мифа: миф сам конструирует собственную действительность [1, с. 103]. Кассирер выделяет два типа мышления: метафорическое (мифо-поэтическое) и дискурсивно-логическое, усматривая в метафоре рефлекс мифологического мышления [2, с. 8].

Согласно теории, разрабатываемой К. Леви-Строссом, миф занимает промежуточную позицию между языком и мышлением, культурным и природным. Рассматривая первобытное (мифологическое) и современное (рациональное) мышление, Леви-Стросс обнаруживает функциональное родство этих форм: и та и другая выполняют функцию структурирования и категоризации действительности. Однако если Леви-Стросс считает мифологическое мышление свойством архаичных культур, то другой французский структуралист – Ролан Барт – говорит о

том, что миф – это феномен повседневности. Исходя из этимологического определения мифа как слова, он утверждает, что мифологизации подвергается любое явление или объект, покрываемый дискурсом. Впрочем, в теории Барта понятием 'мифология' зачастую подменяется понятие 'идеологии'.

Развивая мысль о структурирующей функции первобытного мышления, И.А. Тульпе пишет: «Архаическое мышление – своего рода операционная система с “корневым каталогом”, классификатор, действующий на основе непрерывающихся дуальных операций. Человек не просто расщепляет действительность на фрагменты, но и связывает элементы разной степени общности в каждой из образовавшихся “рубрик”. Так создаётся подвижная, но устойчивая “система координат” (модель мира)» [3, с. 76]. Современные же исследователи, разрабатывающий когнитивный подход к метафоре, придерживаются похожей точки зрения относительно функций метафоры. Суть когнитивной концепции метафоры заключается в том, что она признаётся человеком основополагающим инструментом концептуализации действительности [4, с. 112]. Когнитивная метафора – это метафора, взятая не только в её эстетической орнаментальной функции, но обладающая познавательным потенциалом. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «[м]етафора выступает важнейшим инструментом категоризации мира в целом и отдельных предметных областей, структурирования восприятия и чувственного опыта» [2, с. 11]. Метафора является следствием взаимодействия когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «мишени» (*source domain* и *target domain* соот-

ветственно) в процессе когнитивной (метафорической) проекции (*cognitive (metaphorical) mapping*).

Как правило, когда говорят о метафоре с когнитивной точки зрения, отмечают, что она позволяет переносить некие абстрактные понятия в сферу конкретного физического и чувственного опыта. То есть когнитивная структура источника более абстрактна по своей природе, чем структура мишени. Однако это не всегда так (например, метафоры со сферами-источниками литература, мифология, история) [5, с. 22].

Согласно когнитивной теории метафоры в основе процесса метафоризации лежат процедуры обработки знаний — фреймов (связанных со схематизацией опыта) и сценариев (обобщённый опыт взаимодействия человека с миром) [6]. Фрейм описывает действительность вне её динамики, составляющей основу сценария. Такое понимание метафоры характерно для когнитивной поэтики, рассматривающей творческую деятельность человека как специфическую форму познания. В рамках этой теории метафора и метонимия представляются как основные механизмы символизации, которая рассматривается как когнитивный процесс [7].

Одной из важнейших мифологем в английской литературе была и остаётся мифологема острова, являющаяся ключевой метафорой в произведениях Томаса Мора, Уильяма Шекспира, Даниэля Дефо, Джонатана Свифта, Джона Фаулза. Образ острова метафорически может представлять и вселенную целиком, и отдельную личность, и идеальную модель государства. Образ острова для жителей Британии является настолько близким и понятным, что легко подвергается метафоризации.

Не обходит стороной этот образ и английский писатель Грэм Джойс (р. 1954). В своём третьем романе «Дом утраченных грёз» он будто бы развивает мысль Фаулза, выказанную последним в эссе «Острова»: «В терминах сознания и самосознания каждый отдельный человек это как раз и есть остров, — пишет Фаулз, опровергая известную проповедь Донна, ставшую эпиграфом к роману Э. Хемингуэя “По ком звонит колокол”. — <...> Именно ограниченность, предельность и замкнутость маленького острова, который можно охватить взглядом, обойти за один день, и связывает его с человеческим телом куда более тесными узами, чем любая другая географическая форма суши. <...> Если честно, мы ведь такие же [как остров] — наша «поверхность», внешность, видна всем, а душа, внутренняя половина нашего «я», ото всех скрыта и представляет собой настоя-

щий лабиринт, который, впрочем, весьма увлекательно исследовать» [8, с. 475]. Пребывание человека на острове, таким образом, становится метафорой блуждания в «лабиринтах» человеческой личности, связывается с процессами познания и самопознания.

В романе «Дом утраченных грёз» мифологема острова метафорически переосмысливается в сопоставлении с греческой концепцией *теменоса* — священного участка земли, где, согласно мифологическим представлениям древних греков, возможно было наблюдать божественные проявления. Метафора «остров — это теменос» реализуется в самом тексте романа через собственную номинацию: *Temenos* — это второе название острова Маврос, на котором происходит действие романа. Понятие же *теменоса* переносится на весь остров, на котором происходят события романа, то есть метафорический перенос подкрепляется ещё и метонимической связью: «Говорящая голова. Что если не было какого-то конкретного места? Что если оракулом был сам остров?» [9, с. 103]. Тут важно подчеркнуть, что речь идёт не о метафоре-тропе и не о метонимии-тропе, а, скорее, о сложной развёрнутой метафоре, которая реализуется на протяжении всего текста романа. Остров Маврос в романе становится таким пространством, где реальность трансформируется в миф, позволяя тем самым человеку заново постичь себя, осознать своё место в мире, разрешить некоторые противоречия, образовавшиеся в его жизни. Карл Густав Юнг, связывая понятия *temenos* и магический круг, говорит о том, что *temenos* представляет собой «табуированную площадь, где он [каждый, человек] будет способен встречать бессознательное» [10]. Именно в пространстве *теменоса* происходит встреча человека с анимой, тенью, мудрым старцем, Самостью — теми основными архетипами человеческого бессознательного, которые в своих работах выводит Юнг. Таким образом, понятие о *теменосе* делает возможной ещё одну метафорическую связь — остров как человеческое бессознательное, в котором человек пребывает с целью познать себя и преодолеть возникшие в его жизни трудности.

Действительно, попытка выделить в структуре романа архетипы, выведенные Юнгом, успешна. Главным действующим лицом романа «Дом утраченных грёз» является англичанин Майк, приехавший на остров Маврос вместе со своей женой Ким. Именно она и символизирует для Майка *аниму*, или, если следовать тем определениям, которые даются непосредственно в самом тексте романа, *кефи*, т.е. «самая

твоя сущность, душа» [9, с. 126–127]. Именно размовка Майка и Ким является внешним, сюжетным конфликтом романа, однако разрешение этого внешнего конфликта невозможно без разрешения конфликта внутреннего: Майк представляется читателю человеком, сильно запутавшимся в себе. И на помощь ему приходит греческий пастух Манусос, архетип *мудрого старца*, также введенный Юнгом. Можно в произведении обнаружить и другие архетипы, такие как *Тень* (Димитрис) или *Самость*. Процесс обретения Самости – индивидуация – метафорически в романе представлен в виде противоборства Майка и греческого святого Микалиса, который явно отсылает к христианскому архангелу Михаилу, через которого связывается с немецким Вотаном и греческим Гермесом.

Путь душ, который Майку необходимо было пройти для обретения внутренней гармонии, цельности (т.е. своего рода метафора к психическому процессу индивидуации) в своём основании отсылает нас к греческой мифологии, к мифу об Орфее и Эвридике. Майк в романе, как и Орфей в древнегреческом мифе, подвергается испытанию, он должен преодолеть путь душ; только если Орфею запрещено было оборачиваться на протяжении всего его подъёма из царства мёртвых, то Майк не должен ни на шаг сворачивать с указанной ему дороги: «Однажды ступив на Путь Душ, ты не должен сходить с него ни на дюйм. Ни на один дюйм. Не должен позволить ничему увести тебя в сторону. На этом пути ты встретишь своего врага-духа» [9, с. 315]. В отличие от персонажа мифологии, Майку удаётся выдержать испытание, сделать важный шаг к обретению себя, вернуть ускользнувшую аниму. Сам же процесс индивидуации можно рассматривать в качестве когнитивной интеграции сознательного и бессознательного опыта.

Метафоризация процессов, происходящих в психике человека, является одной из отличительных черт авторского метода Грэма Джойса. Выше нами было показано, как метафорически представляется процесс индивидуации в романе «Дом утраченных грёз». Появление фантастических образов в другом романе Джойса – «Зубная Фея» – можно объяснить действием защитных механизмов психики. Эти механизмы вытесняют память о девиантном поведении главного героя романа – мальчика Сэма – в область бессознательного, затем же происходит то, что Фрейдом было обозначено как «возвращение подавленного»: скрытые в бессознательном образы проецируются во вне в виде разного рода монстров (в романе это образ зубной феи,

идуший вразрез с этим образом в английском фольклоре). Здесь Джойс следует английской неоромантической традиции изображения готических монстров (подробнее об этом см.: Hurley K. *British Gothic Fiction, 1885-1930 / The Cambridge companion to Gothic fiction* / Hogle, Jerrold E. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. pp. 197–198). Образ зубной феи становится персонификацией бессознательных страхов и желаний подростка.

Итак, основным средством создания образа является метафорическая персонификация. Как правило, в качестве когнитивной структуры-источника при персонификации используются животные, птицы, растения – представители материального мира. У Джойса источником создания метафоры становится персонаж фольклора, но при этом в романе происходит не просто снижение образа, а его травестирование. Созданная воображением подростка зубная фея является – рефлекс мифологического мышления, сферой деятельности которого является бессознательное. Джойс не просто использует видоизменённый фольклорный образ зубной феи, но и наделяет его функциями, присущими другому мифологическому персонажу — герою-трикстеру. Согласно Юнгу, трикстер проявляет себя всегда, когда человек «чувствует себя в плену у раздражающих случайностей, которые с явно злостными намерениями противоречат его воле и поступкам». Именно в такой ситуации оказывается Сэм, переживающий пубертатный период в жизни.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что метафора в романах Грэма Джойса связывается с когнитивной деятельностью персонажей, направленной на познание себя и окружающей действительности, установление внутренней гармонии, обретение равновесия между личностью и реальностью. Однако эта когнитивная деятельность осуществляется не только персонажами его романов, но и реципиентом. Читатель в процессе сопереживания также приобретает знание о новом опыте, который становится частью его собственного чувственного опыта. Метафора в то же время является следствием специфической когнитивной деятельности автора произведения, связанной с творчеством.

В качестве когнитивных структур-источников Джойс прибегает как к устойчивым мифологемам, характерным для мифологий различных стран, так и к конкретным сюжетам, заимствованным, например, из древнегреческой мифологии, равно как прибегает и к индивидуально-авторскому мифотворчеству.

Список литературы

1. Барышников П.Н. Миф и метафора. СПб.: Алетейя, 2010. 216 с.
2. Ахренова Н.А. Метафора в когнитивном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская Филология. 2010. № 2. С. 7–12.
3. Тульпе И.А. Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. 320 с.
4. Битокова С.Х. Когнитивная концепция метафоры // Культурная жизнь юга России. 2008. № 3. С. 112–114.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. № 1(4). С. 8–27.
6. Рябов А.Г. Метафора в сфере когнитивной теории [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jurnal.org/articles/2009/fill45.html> (дата обращения 22.04.2013).
7. Маслова Ж.Н. Метафора, метонимия и символ в когнитивной поэтике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 130–134.
8. Фаулз Дж. Кротовые норы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 702 с.
9. Джойс Г. Дом утраченных грез. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. 352 с.
10. Юнг К.Г. Психология и алхимия. Символизм сновидения [Электронный ресурс]. – URL: <http://jungland.ru/Library/PsychAlhim2.htm> (дата обращения 15.04.2013).
11. Юнг К.Г. О психологии образа Трикстера // Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев / с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999.

ON CORRELATION BETWEEN MYTH AND METAPHOR IN COGNITIVE POETICS (on material of novels of Graham Joyce)

A.J. Kolesnikov

Reviewed the problem of correlation of myth and metaphor in cognitive poetics on material of novels of Graham Joyce.

Keywords: English literature, myth, metaphor, mythopoeia, British literature of the end of XX – beginning of XXI century.